

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАЛМЫКОВ

Т. Г. Басангова

Аннотация: В статье анализируются примеры обрядовой поэзии калмыков, связанные с сельскохозяйственными видами деятельности.

Ключевые слова: калмыки, фольклор, земледелие, обрядовый фольклор, вода, хлеб, дождь.

В духовной жизни калмыков сохраняются веками устоявшиеся обряды. Определяющую роль в их проведении играет словесное оформление, часто имеющее поэтическую форму. Обрядовая поэзия, складываясь и отшлифовываясь в течение многих столетий, донесла до нас бесценные свидетельства народного мировосприятия, взгляды предков на природу и попытки воздействовать на нее силой слова. Она является составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, сохранившейся до наших дней и бытующей наряду с явлениями современной цивилизации.

Несмотря на это, обрядовый фольклор мало изучен в силу сложившихся в советское время идеологических установок, связанных с религией и традиционными верованиями, вследствие сложности самого обрядового комплекса, а также в связи с архаическими проявлениями в обрядах, трудно поддающимися пониманию. Все это и обусловило малоисследованность обрядовой поэзии, с чем ныне столкнулись фольклористы. Многие в ней остаются не выясненным и спорным, требующим дополнительного изучения.

Обрядовая поэзия представлена лишь в отдельных этнографических работах, главным образом в контексте рассматриваемых авторами проблем. Между тем обрядовый фольклор, в частности — калмыков — представляет собой сложный и многогранный комплекс, включающий в себя

Басангова Тамара Горяевна - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста.

слово, музыку и действие. В калмыцкой фольклористике еще полностью не разработана теоретическая база изучения обрядовой поэзии, не выявлена взаимосвязь фольклора и обряда. Научное осмысление, изучение и анализ произведений обрядовой поэзии выдвигается в ряд наиболее актуальных проблем калмыцкой фольклористики.

Данное положение касается, прежде всего, трудовой поэзии калмыков, которая подразделяется на скотоводческую и земледельческую и промысловую. В данной статье речь пойдет о земледельческой поэзии. Материалом для статьи послужили материалы, которые были собраны самим автором, а также материалы, хранящиеся в научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста) и не введенные в научный оборот.

Процесс перехода части калмыков от скотоводства к земледелию описан в разных источниках. Документы, относящиеся к эпохе Аюки-хана, фиксируют интерес калмыков к земледелию. В письме, датированном 2 апреля 1711 г., калмыцкий хан просит астраханского коменданта М. И. Чурикова прислать колесо чигирное, железо, лес и плотников, чтоб сделать совсем чигир, поливать просо и табак» (Батмаев, 1982: 17).

Номто Очиров отмечает, что к началу XX в. ряд бедных семейств родов Хапчинова и Асматова заявили о желании креститься. «Заявление было встречено администрацией и миссионерами весьма сочувственно, и после крещения отвели им по 96 десятин земли на душу — надел был вырезан в особый участок» (Очиров, 2011: 35).

В современной лексике калмыков существует такой термин земледельческой обрядности как *тяря*, *тярх* — ‘сажать будущий урожай’. Хлебные зерна, по представлениям калмыков, обладали животворящей силой. Зерна злаковых растений, которые употреблялись при обрядовых действиях, высевались отдельно и назывались *дайлгана тярялган*. Гумно — ток для молотбы хлеба — носило название *удурум*. *Удурум цацаху* — это обряд, совершаемый осенью после уборки хлеба, чтобы в будущем получить хороший урожай (Борджанова, 2001: 17). Ц-Д. Номинханов отмечает, что «некоторые виды растительности (некоторые хлебные злаки, травы, деревья, фрукты), видимо, были знакомы еще предкам современных монголов и тюрков, следовательно, и калмыкам, и, возможно, они сообща создавали им названия, или последние распространялись среди этих народов путем заимствования» (Номинханов, 1975: 287). Им описана терминология хлебных злаков: «арва» — ячмень, «будя» — пшеница, «бурчг» — горох, «суль»

— овес, «ур» — плод, семя, зерно (там же: 289).

В лексике калмыков нашла отражение производственная деятельность земледельца: *маажур* — вилы, *хадур* — коса, *тярян* — посев, *тярлгня газр* — посевное поле, *буудя* — пшеница, *буудян эк* — семена пшеницы, *арва* — овес, *терм* — мельница, *малын тежял* — корм для скота. В словаре Пармена Смирнова также отражена земледельческая лексика: борозда — *хаглси газр*, вилы — *шовг*, засуха — *хур уга ганг*, овес — *суль*, плуг — *андсх*, ячмень — *арва зарм*, разбрасывать семена — *тяря цацх*, зерно — *корнг* (Смирнов, 1999: 147–241).

Хлеб со временем стал неотъемлемой частью питания калмыков. Хлебные зерна перемалывались ручным способом, получалась мука грубого помола, из которой делали лепешки из пресного теста, эти лепешки назывались «гуйр». Хлебопечение у калмыков развивалось под влиянием традиций русского населения, особенно с переходом на оседлость. Это — прежде всего, приготовление опарного теста.

В праздничной обрядности калмыков, особенно в дни праздников Цаган Сара и Зула каждая семья лепила борцоки различной формы, которые имели символическое значение. *Борцоки* в форме головы гуся, символизировали, по преданию калмыков, приход весны. Борцок по названию «жола» («вожжи») — это символ жизни. Символика его такова: «Пусть будет жизнь длинна, как эти вожжи». *Целвг*, лепешка с отметинами по краям, — это символ источника с водой, а *целвг* без краев — это символ солнца или луга с травой. *Овртэ тогош* («лепешка с рогами») по своей форме напоминает голову коровы и символизирует пожелание: «Пусть ваш двор будет полон скота!»

Сведения о том, что калмыки, кроме скотоводства, занимались земледелием, отражены в мифах и калмыцких загадках. По воззрениям древних земледельцев, собака являлась охранительницей посевов. В фольклорной традиции калмыков сохранился ряд мифов, поверий и ритуалов, связанных с образом собаки. То, что люди до сих пор употребляют в пищу мучные продукты, согласно текстам сохранившегося мифа, — это заслуга собаки. А миф гласит следующее.

С давних пор люди в своей пище использовали муку. В те времена пшеница начинала колоситься с корней. Жила-была одна женщина, которая слыла плохой хозяйкой. Она ничего не могла приготовить из муки, а если начинала печь хлеб и лепешки, то везде ее рассыпала. Боги рассердились на людей и решили отнять такую пищу у людей за плохое обращение с ней.

Вскоре боги тайно от людей собрали весь урожай, ничего не оставили на поле, ни одного колоска. А действия богов увидела собака, которая случайно бежала мимо поля. Она стала громко и жалобно выть, предчувствуя, что среди людей наступит сильный голод. Боги, услышав жалобный вой, пожалели ее и от снятого урожая оставили несколько зерен. Но с тех пор пшеница перестала колоситься из-под листьев (Потанин, 1898: 345).

С собакой связан ряд ритуалов, примет, совершаемых и соблюдаемых калмыками. Кормление собак — это один из древних обычаев предков. Кормя собаку, считалось, что кормишь своих умерших предков, так как в ней воплощены их души (Информатор Бокова Кишта, дербетка, род хапчин, 1998 г.). Хорошей приметой считалось, если ко двору приблудится собака — это символ будущего процветания семьи. Если собака поднимала ноги кверху, ее живот кропили молоком (Душан, 1931: 107) или другими молочными продуктами. Этот акт символизировал выспрашивание благополучия у неба-тенгри. Если собака жалобно выла — это было символом несчастья. Убийство собаки считалось равнозначным убийству человека (там же: 106).

В «Калмыцко-русском словаре» К. Ф. Голстунского зафиксирован термин «удурум цацаху» — то есть совершать жертвоприношение осенью на току, по уборке хлеба, разбрасывая хлебцы. Обряд отражает представление о совершаемых земледельцами ритуальных действиях. Калмыки часть урожая отдавали монастырям, так как зерно — это неперемный атрибут многих обрядов, совершаемых духовными лицами. Пшеничные зерна, которые использовались в ритуалах богослужения, высевались на отдельном поле. Зерна использовались в обряде очищения жилища, в похоронной и свадебной обрядности. Зерном посыпали новобрачных, так как зерна ассоциировались с плодородием, это было скрытое пожелание многодетности. Зерном посыпали место захоронения покойника с целью выкупа земли. В гроб бросали также зерна, чтобы не оставалось свободного пространства, иначе считалось, что покойник возьмет кого-нибудь с собой. Из теста пшеничной и ячменной муки изготавливались балины, приносимые в дар богам. Г. Н. Потанин зафиксировал земледельческие обряды монголов Ордоса: «Весной отпахав и посеяв, что делается одновременно с боронением, делают «урсан», то есть зажигают костер из можжевельника, из земли делают маленькое «обо», на нем зажигают можжевельник арча, перед костром зажигают три курительные свечи и поклоняются урсану, затем с сохой на быке объезжают вокруг урсана три раза и потом крест на крест, после чего соху прячут» (Потанин, 1893: 133). Быка, участвовавшего в уборке

урожая, обмазывали кашей, приготовленной из зерна.

Созревший хлеб в загадках степняков выглядит следующим образом:
*На качающемся дереве 80 тысяч ветвей,
На каждой ветви — гнездо,
В каждом гнезде — птенец.*

В другой загадке хлеб изображается как живое существо «с настороженными ушами и выпученными глазами» (Котвич, 1972 : 36). В фольклорной традиции калмыков сохранился редкий образец песни, исполнявшийся при сборе урожая:

*Так я собирал рожь,
Что рукава моего платья обтрепались,
Людей, работающих самозабвенно,
Пусть все люди почитают.*

*Когда я собирал желтую горчицу,
Мои мысли успокоились,
Пусть у людей, которые работают,
Мысли сбудутся.*

*Когда я косил пшеницу,
У меня были светлые мысли,
Когда работаешь непрерывно,
Нужно быть сытым — и это правда.*

*Деньги, полученные от тяжелой работы —
Особенно дороги и любимы,
Если работать самозабвенно,
Надо иметь мужество.*

Эта песня зафиксирована Номто Очировым (Очиров, 2006: 157). В другой песне, зафиксированной также им, поется о косьбе травы мужчинами из рода нойнахн.

Одна из песен посвящена человеку по имени Натран Эдя, жителю Хошеутов, который первым стал сеять пшеницу в этих краях. После его смерти в честь него была сложена песня. По мнению земляков, нелегкий труд земледельца для этого человека был определен свыше по велению тенгриев и небожителей. Песня о Натран Эдя — пример коллективного творчества жителей этих мест. Первые строфы этой песни сочинены его другом Эдгя:

*Посевы, поднявшиеся дружно,
Растут в местности Джирглин борг,
Живущий в счастье и благополучии Натра Эдя,
Покинул нас.*

Песня о Натран Эдя может быть отнесена к разряду поминальных.

Важное место в земледельческих обрядах калмыков занимают обряды вызывания дождя, сопровождавшиеся произнесением заклинаний.

*Дождь-дождь, иди сюда,
Голова барана — туда,
Град, град — отсюда (Хальмг бичкдудин..., 1996: 5).*

В йорелах часто звучит пожелание хорошей погоды, хорошего травостоя, урожая.

*Пусть широкая степь насытится водой,
Пусть привольно растет трава,
Пусть зреет богатый урожай,
Чтобы мы были богаты едой!*

Чтобы урожай был богатым, за покровительством обращаются к буддийскому божеству Бадме-Самбхаве (Бадмасамбхава (Лотосорожденный) — тантрический йогин и проповедник буддизма в Тибете (информант Н. М. Дандырова).

Краткий заговор на хороший урожай записан Б. Я. Владимирцовым среди ойратов Северо-Западной Монголии. Он посвящен серпу и звучит следующим образом: «Серп, скашивающий траву, пусть затупится от работы» (Владимирцов, 1926: 28).

Уборка урожая воспринималась современными калмыками как праздник, который они встречали с огромным энтузиазмом. Этими чувствами проникнута песня «На току», сочиненная в 1960-е гг.:

*На току горы зерна достигают неба,
Под ними люди работают дружно
Зерно, уложенное на току,
Похоже на золотые горы,
Дети также бегают на току,
Быстро бегают машины,
Возящие новый урожай зерна,
Которое струится, как золото (Хальмг поэзин антолог, 1960: 34).*

Чтобы урожай был богатым, калмыки до нынешнего времени при-

бегают к обряду вызывания дождя. Эти обряды известны почти всем народам мира. Еще Дж. Фрезер в «Золотой ветви» показал типологическое сходство таких обрядов у народов Европы, Африки и Америки. Обряд вызывания дождя включает множество ритуальных действий, запретов магического характера. И. А. Житецкий пишет о празднике освящения воды, который именовался у калмыков усун аршан. В этот день калмыки собирались у ближайших источников — рек, озер и ручьев, прудов и даже худуков — степных колодцев или цандыков — луж и после освящения воды духовными лицами устраивают общее застолье, но без спиртных напитков (Житецкий, 1893: 129).

Издrevле и до настоящего времени жители поселений — Цаган Нур, Эвдык, Чарлакта, Тугтун освящают воду озера Цаган Нур. Вода освященного озера считалась целебной. Согласно местным преданиям вода этого озера была полезна для рожениц. После купания в нем у роженицы появлялось молоко (Из полевых записей автора). Колодец-худук также является местом обряда вызывания дождя. В Калмыкии известен топоним Нарын Худук (Солнечный колодец), являющийся местом проведения ритуалов освящения воды. Местные жители бережно относились к источнику, ежегодно очищали его. Бросая в воду серебряные монеты, они с мольбой обращались к хозяину воды — усн хадын эзен:

*Владыка вод,
Дайте нам тень от листьев, от деревьев.*

Связь воды с колодца с водой, льющейсЯ с неба, является основой мифологических представлений о природе дождя. Колодец был для калмыков также подходящим местом для воздействия на воды неба, так как он представлял собой выход из недр земли на земную поверхность. Последняя при этом была границей межой сферами хтонической, подземной и небесной, местом их соприкосновения и нейтрализации. Эти сферы, противопоставленные по принципу верх — низ были связанными, оказываясь, в положении зеркального отображения по отношению к друг другу.

Обряд жертвоприношения воде совершали всем родом. Предводитель обряда — старейший житель и знаток обряда — произносил благопожелание.

В одном из благопожеланий говорится:
*О, хайрхан,
Пусть земля и вода, которых мы
Сегодня умиловливаем
Будет благословенной.*

*Пусть душа белого Старца — хозяина земли и воды
Будет к нам благосклонна,
Счастье пусть распространится на детей,
Пусть им сопутствует благополучие во всем,
Пусть проживут они без горя и страданий,
Пусть съеденная ими пища станет аршаном.
Живите в мире и спокойствии, и благоденствии.*

В обрядах, устраиваемых в целях выпрашивания дождя, обращались к небу:

*Хайрхан!
Тенгри и бурханы, подайте нам воды,
Наполните водой землю,
Наполняйте зеленой травой степь.
Пусть насытятся и люди, и животные.
Пусть дождь избавит нас от болезней
И несчастий.*

Калмыки при вызывании дождя использовали магический камень «зада». Обряд вызывания дождя с помощью камня «зада» происходил следующим образом: камень клали в чашу с водой, промывали, затем «мешали» его в воде. Обращались к тенгриям, небесным божествам, чтобы те ниспослали дождь или ненастье на врага.

Культ задчи у калмыков окружен преданиями и легендами. Одна из них, распространенная в Эркетенях, повествует о волшебном даровании задчи — человека, умеющего управлять водной стихией (Душан, 1976: 84). Содержание этой легенды следующее.

«Однажды татары угнали весь скот у подданных эркетеневского зайсанга. Наутро они сообщили об этом нападении владельцу и попросили его помочь вернуть скот. Взял тогда зайсанг камень, вошел на курган, стал возводить зада. На следующее утро татары вернули скот в оток эркетеневского зайсанга.

Второе предание повествует о том, что однажды царский пристав вызвал к себе задчи. Человек, вызывающий дождь, пришел к нему в изношенной порванной одежде, и тогда пристав посмеялся над ним. Оскорбленный задчи уехал. После он возвел камень зада — и над хотоном, где жил пристав, разразилась гроза, а над хурулом, который находился неподалеку, светило солнце» (Душан, 1976: 55).

При этом в фольклорной традиции калмыков не удалось обнаружить

ни одного заклинания, которое бы произносилось при обряде вызывания дождя с помощью камня зада.

В тувинской фольклорной традиции этот заговор встречается. Заклинатель дождя обращается к божеству Кайракан:

Кайракан, Кайракан, Кайракан!

Алас! Алас! Алас!

Сделай отверстие, большое как ладонь.

Сделай дырку, как у иглы.

Я семя рода, заклинатель дождя,

Корень кедрового дерева...

Силы неба, сойдите на землю,

Силы земли, взвейтесь к небесам.

Я призываю прародителя Таштыгаша:

Раскрой путь к небесам,

Сделай отверстие большое, как ладонь,

Сделай дырку, как у иглы.

Проникни в глубь высокой горы,

Пройди сквозь источник Абакан,

Кайракан! Кайракан! Алас, Алас! (Потапов, 1960: 174).

В вышеприведенном заклинании упоминается божество Кайракан, у калмыков это — Хээрхн. Калмыки, выражая страх перед грозой, при первых ударах грома восклицали: «Хээрхн!» Божество Хээрхн упоминается в «Джангаре» как молитвенное выражение: «Хээрхн! Бурхн ээлдтхэ!» («Хайрхан! Пусть нам помогут бурханы»). Восклицание «Хээрхн!» в быту калмыками произносится при сильном испуге, при ударе грома или при других неожиданных ситуациях. Обряд вызывания дождя, совершение молений о дожде сохранила до нынешнего времени свою древнюю форму и является одним из распространенных на территории всей Калмыкии.

Таким образом, несмотря на то, что калмыки стали гораздо позже заниматься земледелием, чем скотоводством, в современной фольклорной традиции у них сохранились заговоры, песни, йорелы (благопожелания), которые выполняли очистительную и предохранительную, магическую функции и были связаны с земледельческой деятельностью.

Список литературы:

- Батмаев, М. М. (1982) Первые опыты земледелия у калмыков в XVIII в. (до 1771 г.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии / Калм. НИИ истории, филологии и этнографии. Элиста. С. 15-26.
- Борджанова, Т. Г. (2001) К. Ф. Голстунский и калмыцкий фольклор // Mongolica. Сб. статей. СПб.
- Владимирцов, Б. Я. (1926) Образцы монгольской народной словесности Северо-Западной Монголии. Л., 1926.
- Душан, У. (1931) Суеверия и вредные обычаи у калмыков (на калм. языке). М.
- Душан, У. (1976) Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып.1. Элиста.
- Житецкий, И. А. (1893) Очерки быта астраханских калмыков. М.
- Котвич, В. Л. (1972) Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста., Номинханов, Ц.-Д. (1975) Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.
- Очиров Н. О. (2006) Живая старина. Из литературного наследия. Элиста.
- Очиров, Н. (2001) Избранные труды. Элиста.
- Паллас, П. С. (1778) Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. Ч. 1.
- Пальмов, Н. Н. (1932) Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань. Ч. 5.
- Потанин, Г. Н. (1893) Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. 1884–1886. Т.1. СПб.
- Потанин, Г. Н. (1898) Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. Вып. 4. С. 345.
- Потапов Л. П. (1960) Материалы по этнографии тувинцев районов Моонгун Тайги и Кара-Коля // Труды Тувинской компл. археолого-этнографической экспедиции по археологии и этнографии Западной Тувы. М.-Л.
- Смирнов, П. (1999) Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста.
- Хальмг бичкдудин амн угин антолог (1996) Барт белдснь (сост. Б. Б. Оконов). Элиста.
- Хальмг поэзин антолог (1960). Элиста, 1960.

FARMERY POETRY OF KALMYKS

T. G. Basangova

Abstract: Article analyzes the examples of agricultural sacramental poetry of the Kalmyks.

Keywords: Kalmyks, folklore, agriculture, sacramental folklore, water, bread, rain.